

С. А. Евтушенко
(Украина, Киев)

Политический дискурс в творчестве постколониальных писателей

Сосредоточенность на политической проблематике – одна из характерных особенностей творчества постколониальных авторов. Яркий пример — публицистика англо-индийского писателя Салмана Рушди («The Jaguar Smile: A Nicaraguan Journey», 1987; «Imaginary Homelands: Essays and Criticism, 1981-1991», 1992; «Step Across This Line: Collected Nonfiction 1992-2002», 2002; «The East is Blue», 2004). В его сборниках эссе анализ политических проблем современной Индии занимает значительное место. К примеру, в очерке «Индии пятьдесят лет» (сборник «Step Across This Line: Collected Nonfiction 1992-2002») автор сконцентрировал своё внимание на победах и поражениях независимой Индии на протяжении пятидесятилетнего периода. Огромные ожидания – «золотой век свободы» – не оправдались, поскольку политическая элита страны отказалась от идеалистических принципов Махатмы Ганди и начала действовать исходя из собственных интересов. Важно отметить, что Салман Рушди анализирует не только политические проблемы современной Индии. Он проявляет крайнюю степень заинтересованности деятельностью как европейских, так и американских политиков. Во многом это обусловлено автобиографическими мотивами (история с фетвой), но, без сомнения, главная причина заключается в основополагающем жизненном принципе писателя – «в открытом обществе никакие идеи и верования не могут быть ограждены от всевозможных интеллектуальных атак – философских, сатирических, глубоких, поверхностных, веселых, непочтительных, остроумных» (Рушди 2012).

Вышеозначенная позиция позволяет С. Рушди нетрадиционно интерпретировать устоявшиеся в обществе взгляды на политические события и связанные с ними политические фигуры. Яркий пример – Махатма Ганди, абстрактная, внеисторическая, постмодернистская, вневременная личность. Он превратился в символ с устойчивым «джентльменским набором культуры», благодаря чему его образ можно и позаимствовать, и перекрутить, и использовать в своих целях. Новые идеализированно упрощенные реинкарнации требуют совпадения или с «основными идеями» транснационального бизнеса (как в случае с рекламой Mackintosh), или с господствующими тенденциями западного антиисторического мифотворчества (как в случае с фильмом Р. Аттенборо «Ганди»). Настоящий Ганди / Мохандас Карамчанд Ганди – сложный и противоречивый исторический персонаж XX века. Он 1) боялся темноты; 2) верил в единство, но своими действиями способствовал Разделу страны; 3) исповедовал философию на основе традиций индийской деревни, хотя спонсорами выступали миллиардеры промышленники; 4) мечтал облегчить жизнь неприкасаемых, однако сегодня они предпочитают политических противников Ганди; 5) использовал сатьяграху как политический инструмент, между тем вынужден был отказаться от политики; 6) разрабатывал эксцентричные теории – о

вегетарианской пище, работе кишечника и полезных свойствах человеческих экскрементов; 7) экспериментировал с брахмачарья, несмотря на обет безбрачия; 8) обеспечил большой размах освободительного движения, что привело к неугодной ему модернизации и индустриализации страны. В Индии Ганди называли Бапу (маленьким отцом), но его страстное увлечение древней историей и мифами индуизма поспособствовали охлаждению к нему значительной части общества (Рушди 2010).

В истории Индии 15 августа 1947-го года / День независимости – особая дата / «место памяти» (П. Нора). Ее наделяют сакральной, магической силой и выстраивают вокруг нее фантазмагорические сюжеты, как в случае с романом С. Рушди «Дети полуночи». Важно отметить, что особое отношение к этому историческому моменту в значительной степени объясняется личностными факторами: писатель появился на свет за восемь недель до распада империи и неоднократно слышал от родителей шутку: «Родился Салман, а через восемь недель сбежали британцы» (Рушди 2012). Главный персонаж романа «Дети полуночи» Салим Синай (Салим – бомбейский одноклассник Салим Мерчент (его имя созвучно с «Салманом»), второстепенный герой заброшенной рукописи «Антагониста», альтер-эго писателя; Синай – в честь мусульманского эрудита одиннадцатого века Ибн Сина («Авиценна») родился с 14 на 15 августа 1947, в момент «полуночной свободы», независимости Индии от Британского правления. Подтекст с датой рождения героя позволил соединить неразрывными узлами жизненный путь Салима Синай с судьбой новорожденного государства. «Необъятная и личностная, творческая и пагубная» история ворвалась на страницы романа, тем самым придав ему нужное измерение. Подобная привязанность к истории – «самый опасный вид причастности» (Рушди 1981) – является неотъемлемой частью постколониальных авторов, которые стремятся выстраивать свои тексты на «перекрестке» / линии пересечения между личным и общенародным / политическим. Это позволяет показать влияние «больших сил» на формирование личности, социальных классов и страны в целом (Рушди 2012).

В центре внимания большинства англо-индийских авторов – построение постколониального независимого государства и связанные с этим трудности. Прежде всего анализируется «расцвет» новорожденных политических институтов, неотъемлемой частью которых стала коррупция. К примеру, в Индии создание так называемых индустриальных империй в обход конституции, «буквально на пустом месте», обычное дело. Привычными способами обогащения также выступают незаконные операции с ценными бумагами, обмен инвесторов, «игры» с корпоративными налогами. Герой романа С. Рушди «Последний вздох мавра» дал свое определение индийской «демократии» – «Один человек – одна взятка» и сформулировал индийскую теорию относительности – «Относитесь все в семью». Подобные «шутки» не являются преувеличением, потому что индийская коррупция приобрела гигантский размах. Писатель вспоминает скандал с «Марути» в 1970-х (бюджет программы «Народный автомобиль» не досчитался огромных денег из-за Санджая Ганди), «Бофорский скандал» (огромные деньги потерял бюджет страны из-за Раджива Ганди), урегулирование индийского рынка ценных бумаг в 1990-х при помощи бюджетных средств и как результат катастрофическое падение рынка.

Индийские коррупционеры присваивали такие суммы, «о которых бессмертный Чичиков, антигерой романа «Мертвые души», не мог даже мечтать» (Рушди 2010). Показательным является образ легендарного чиновника административной службы Индии (сокращенно АСИ) Мохана Кумара (персонаж романа В. Сварупа «Шесть подозреваемых»). Пребывая в течение тридцати семи лет на государственной должности главного секретаря штата Уттар-Прадеша, он вошел в историю как «непревзойденный образец продажности и разврата» (Сваруп 2010: 15). За время своего «правления», манипулирования, заключения контрактов он приобрел «недвижимость в разных городах», «торговый пассаж в Уттар-Прадеш, на границе с Нью-Дели», «банковский счет в Цюрихе». Материальные бонусы сочетались с так называемым «настоящим влиянием, весом»: «решать судьбы штата одним телефонным звонком», «отпирать любые закрытые двери при помощи связей», «в порыве минутного гнева губить карьеры и целые компании», «из прихоти дарить предприятия стоимостью в миллион рупий». Даже утратив реальную власть Мохану Комару удалось неплохо обустроиться: член правления шести компаний «Рай груп индастриз» (получал в шесть раз больше государственной платы), служебный автомобиль, вилла в «Дели Ланчес», номинальная должность в компании «Рай груп индастриз» с личным кабинетом в ее штаб-квартире (Сваруп 2010: 22).

В Индии коррупцию метафорически сравнивают с непобедимым демоном, который проник во все сферы жизни индийского общества. Обычная практика – одновременная потеря земли (реквизиция земли партией Конгресса) и денежной компенсации из-за преступных действий чиновников (подделка подписей и кража денег). Особенно остро демоническая сила коррупции воспринимается теми, кто видел другой, не коррумпированный мир. В романе А. Адиги «Белый тигр» индийские «бизнес-правила» неприемлемы для Ашока, который длительное время проживал в Америке: «Нам необходимо обратиться к газете и рассказать о политиках-вымогателях». Его брат Мангуст уверен, что в Индии коррупция – неотъемлемая часть любой коммерческой деятельности: «В Тьме нет выбора», «Это Индия, не Америка. Всегда найдется лазейка», «так устраивают дела в Дели», «В Индии все просто (...) Здесь тебе не Америка. Не надо так резко» (Адига 2010).

Современные англо-индийские авторы разоблачают миф о свободе современной Индии. Наглядным примером может выступать требование депутата индийского парламента Сайеда Шахабуддина «принять меры против «кошунственной» книги» /«Сатанинских стихов» С. Рушди, которую он не читал и не собирался читать. Его аргумент – «чтобы знать, что сливают в канализацию, не обязательно в нее залезать» (Рушди 2012). Гигантские руины крепости Черный Форт в романе А. Адиги «Белый тигр» выступают символом иностранного владычества и соответственно отсутствия демократических свобод в стране. Однако независимость Индии не стала синонимом свободы, несмотря на то что официальные руководители продолжают настаивать на небывалом расцвете демократии в стране.

Лакмусовой бумажкой реального состояния индийской «демократии» может служить отношение простых индийцев к полиции: «не спорить с полицией», «как призвать к порядку служителя порядка?», «Никогда не ходи в полицию» (Адига 2010). В романе

К. Десаи «Наследство разоренных», умудренный столетним индийским опытом повар судьи не спешит в полицейский участок после нападения на дом своего хозяина: «С полицией лучше не связываться. Если они куплены бандитами, то, естественно, и пальцем не шевельнут. Если не куплены, то еще того хуже. Тогда ребята, которые посетили дом судьи, могут разозлиться и отомстить. У них теперь много ружей. Они эти ружья отчистили, смазали, могут зарядить и – бабах! Само собой разумеется, полиция в любом случае попытается получить на лапу. С кого угодно и как можно больше» (Десаи 2006). Полиция к людям вроде судейского повара понимания и жалости не проявляет, потому что они для них вообще не существуют». Другое дело – «вооруженное ограбление отставного судейского чиновника, связанное с хищением оружия, – не карманная кража на рынке, о столь масштабном происшествии следовало доложить начальству» (Десаи 2006).

Среди трех страшных болезней Индии – тиф, холера, предвыборная лихорадка – самая опасная последняя. Один из министров еще до начала выборов самоуверенно заявлял: «Выборы? Все схвачено. Нас ждет потрясающая победа. (...) В Индии (...) выборы – процесс управляемый. Это вам не Америка» (Адига 2010). Ни один индеец не только не может повлиять на ход выборов, он даже не имеет права честно проголосовать от своего имени. Один из таких «храбрых безумцев» решился воспользоваться своим демократическим правом, вследствие чего был жестоко избит: «Виджай и полицейский сбили рикшу с ног и принялись колотить палками. Тот вскочил и кинулся на них. Его снова повалили на землю. Тут роли разделились: Виджай орудовал палкой, а полицейский наступил рикше на лицо. Несчастный уже не сопротивлялся, даже не шевелился, когда его стали бить ногами. Пока не втоптали тело в грязь» (Адига 2010).

Обратной стороной процессов деколонизации справедливо считают переизбыток насилия. Современные исследования (социолог М. Манн) истории постимперских стран свидетельствуют, что за время независимости в бывших колониях убито больше местного населения, чем во времена авторитарных империй. Массового кровопролития в империях удавалось избежать благодаря поддержке «сложных, плюралистических, «социопространственных сетей власти». Распад империй на национальные государства сопровождался масштабным насилием, поскольку новые нации стремились редуцировать свою внутреннюю сложность, политизировать культуру, унифицировать образование, передвигать границы, перемещать население, осуществляя этнические чистки. М. Манн называет это «темной стороной демократии», или «используя другую метафору, современное «сердце тьмы» (Эткинд 2013: 42).

Раздел в Индии в 1947, алжирская война 1954-1962, война в Индокитае в 1946-1954, кровавый хаос на островах в Индонезии в 1945-1949, корейская война 1950-1953 гг. Вьетнамская война 1964-1973 гг. гражданские войны в Конго, Нигерии, Анголе, Мозамбике и др., преследования «интеллектуалов, которые осмеливаются публично действовать и пропагандировать свои идеи» (Екбаль Ахмад и Фаиз Ахмад Фаиз – Пакистан, Нгугива Тионго – Кения, Абдельрахман эль Муниф – арабский мир) – это далеко не полный перечень проявлений насилия во второй половине XX в. Кровавые междоусобицы и этнические конфликты, с одной стороны, способствуют распространению мнения о неспособности

«некоторых стран организовывать свою жизнь» (Саид 2012: 60). С другой – ощутимо влияют на уменьшение «чувства вины перед колонизированными народами» и увеличение положительной переоценки вклада империй в историю человечества (Миллер 2004: 375).

Среди многочисленных источников деколонизационных конфликтов важное место занимают разногласия религиозного и территориального характера. В большинстве случаев границы колониальных административных единиц новых стран совпадали. Однако на индийском субконтиненте произошел Раздел британской колонии Британская Индия на независимые государства – доминион Пакистан (14 августа 1947 года) и Индийский Союз (15 августа 1947 года), который стал трагедией для обеих стран, так как привел к масштабному кровопролитию (погибло более миллиона индуистов, сикхов, мусульман), массовым миграциям населения (около 18 млн. человек) и разобщенности большого количества мусульманских семей. В романе Джумпы Лахири «Низина» поток индусов из Дхаки, Раджшайи и Читтагонга наводнил Толлиганг, «как муссонные дожди низину». Мрачная вереница людей с узлами скорба на головах и детишками, примотанными тряпьем к родительским грудям напоминала «бредущее понурое стадо». Беженцы жили в «немыслимой грязи, без электричества, рядом с мусорными кучами». Лишь незначительной части государственных рабочих удалось получить жилье по программе обмена (Лахири 2015).

С. Рушди считает разделение британской колонии Британская Индия на независимые государства – доминион Пакистан и Индийский Союз трагической политической ошибкой. Писатель уверен, что Раздел не был проявлением «исторической неизбежности или воли народа». Это результат «политической борьбы – между Ганди и М. А. Джинной, между Конгрессом и Лигой – в ходе которой Джинна из убежденного противника раскола превратился в ярого его сторонника, а затем стал основателем исламского государства». История Раздела – это нескончаемая трагедия, которая влияет на взаимоотношения двух независимых государств. К примеру, родители и два дяди С. Рушди остались в Бомбее, а тетки со своими семьями перебрались в Западный Пакистан. С тех пор жизнь семьи «стала определяться пределами, которые пролегли между нами» (Рушди 2010).

Конфликт между Индией и Пакистаном продолжается в течение пятидесяти лет. Камнем преткновения выступает «рай на земле» (по образному выражением Великих Моголов) – Кашмир. Простые, миролюбивые жители этой территории оказались между «молотом» Индии и «наковальной» Пакистана. Непрерывные столкновения разделили «рай» на две части и привели к обеднению и одичанию. «Убийства и террор заволокли долины и горы», хотя в прошлом мирный характер и отсутствие боевого духа кашмирцев вызывали постоянные насмешки (Рушди 2010). Реалиями Кашмира стали радиовышка, военный лагерь, «бесконечные змеи покрытых маскировочной тканью грузовиков и джипов» на узких горных дорогах, солдаты за горными хребтами, расстрелы путешественников с фотоаппаратами (Рушди 1981).

Дело Кашмира вызывает у С. Рушди особый интерес, поскольку он «наполовину кашмирец» и большую часть своей жизни слушал как продажные правительства Индии и Пакистана выступают с лицемерными заявлениями, а «простые кашмирцы страдают от

последствий их высказываний» (Рушди 2010). Он считает, что Индия изначально «плохо повела дело Кашмира». Несмотря на резолюции ООН по поддержке права мусульманского большинства на плебисцит, правящая верхушка Индии последовательно отвергала эту идею. Она всегда настаивала на том, что Кашмир – «неотъемлемая» часть Индии (Династия Неру – Ганди и сама происходит из Кашмира). С. Рушди называет индийско-пакистанский конфликт «бессмысленным». В сентябре 1965 года в результате пятидневной схватки из-за «вечного яблока раздора» Кашмира погибли почти семь тысяч солдат. В результате Индия «получила семьсот квадратных миль пакистанской территории», а Пакистан «захватил двести квадратных миль – индийской» (В романе «Дети полуночи» во время той войны от бомб погибнет почти вся семья Салима)» (Рушди 2012).

Единственно лозунг – «Кашмир – для кашмирцев» – отражает настоящие чувства тех, кто стал предметом спора. Кашмирцы хотят «воссоединения своих земель», «ликвидации зон контроля», «прекращение войсками действий на высокогорных гималайских ледниках», «большей автономности» и «права самостоятельно распоряжаться своей жизнью». С. Рушди предлагает ввести «систему двойного гражданства и неприкосновенности границ», гарантированную как Пакистаном, так и Индией (Рушди 2010). В художественном мире реализовать лозунг «Кашмир для кашмирцев» попытался фантазмагорический персонаж романа «Дети полуночи» Тей, которого ужасно разозлила распря между Индией и Пакистаном из-за его родной долины, и «он направился в Чхамб специально, чтобы встать между враждующими сторонами и поучить их уму-разуму. Кашмир для кашмирцев – вот какую линию он проводил. Естественно, его застрелили. Оскар Любин, возможно, одобрил бы этот риторический жест; Р.Е. Дайер похвалил бы его убийца за меткую стрельбу» (Рушди 1981).

Особое место в рефлексиях постколониальных авторов занимает созданная на Западе страна Пакистан, которая вошла в историю без дополнительного тягостного прошлого: «Будто и не бывало никогда индийского прошлого, новой стране – новая история. И не важно, на каком фундаменте она зиждется, все индийское – стереть и переписать наново!» (Рушди 2013: 113). Слово «Пакистан» – акроним, созданный мусульманской интеллигенцией в Англии: «П» означает пенджабцев, «А» – афганцев, «К» – для кашмирцев, «С» – синдхов, окончание «тан», как неубедительно объясняют, для обозначения Белуджистана (о восточной части страны, прошу заметить, ни слова! Нынешняя Бангладеш так и не отразилась в названии страны)».

Пакистан – милитаризованное государство, бюджет которого в значительной степени расходуется на военные нужды. Соседство с опасным врагом и «освобождение Кашмира» – две основные причины как огромных затрат, так и растущего влияния генералов. Власти Пакистана не заинтересованы в мирных инициативах, ибо в основе ее политики – сохранение конфликта вокруг Кашмира, который трактуется муллами и радикальными исламистами как «священная война» (Рушди 2010). С. Рушди считает Пакистан большой исторической ошибкой. Эта – недостаточно продуманная и похожая на уродливую птицу – страна «вбила себе в голову», что религия может объединить географически и исторически разобщенные народы (пенджабцев, синдхи, бенгальцев, белуджей, шалунов)

(Рушди 2012). Сегодняшний Пакистан — «клубок противоречий», «неудача мечтателей-утопистов», «фальшивое чудо». Эта страна напоминает картину с вопиющими глупостями: «по соседству с «бесстыдными» сари (завезенными пришлым людом) скромные мусульманские одежды; язык урду вечно на ножах с пенджабским; новое не в ладах со старым» (Рушди 2013: 111).

Через два года после «Детей полуночи» С. Рушди опубликовал роман «Стыд» со стремительным сюжетом, наративом от третьего лица и отсутствием единого рассказчика-антигероя. Это вторая часть диптиха, задуманная «как прямая противоположность первой части». В центре внимания – Пакистан, где «кучка нечестных людей правила бессильным большинством, где продажные гражданские политики и бессовестные генералы объединялись друг с другом, вытесняли друг друга и казнили друг друга». Эта страна напоминает Рим времен Цезаря, в котором «буйные тираны спали с родными сестрами, возводили своих коней в сенаторское достоинство и музицировали, глядя на подожженную столицу», а в жизни простых римлян ничего не менялось (Рушди 2012). С. Рушди определяет «Стыд» как пакистанский роман («назван несколько упрощенно; Пакистану хватило места также в «Детях полуночи», и Индии уделено достаточно внимания в «Стыде»). В нем «юмор был чернее, политиканы – кровавее и потешнее, как если бы, объяснял он сам себе, жестокие перипетии «Двенадцати цезарей» или какой-нибудь шекспировской трагедии взялись представлять фигляры, высокой трагедии недостойные, как если бы «Короля Лира» разыграли цирковые клоуны, скрестив трагедию с балаганом» (Рушди 2012).

В романе доминирует образ стыда («Куда ни повернись, всюду что-то постыдное!»), к которому привыкаешь, как к старому креслу или комода. Жители «стыд» не замечают, хотя он гнездится в каждом доме: искоркой в пепельнице, картиной на стене, простыней на кровати (Рушди 2013: 35). Постыдно выглядит один из самых престижных районов Карачи – жилищно-кооперативное общество пакистанской армии под названием «Застава». В начале задуманный как офицерский городок и символ взаимовыгодного сотрудничества власти гражданской и военной, сейчас превратился в место проживания дипломатов, верховод международных фирм, сыновей бывших диктаторов, модных певиц, текстильных магнатов, звезд крикета. Район «кишит японскими машинами» и утопает «в благоухании садов, аромате цветущих на бульваре деревьев, в запахе дорогих духов местных светских львиц» (Рушди 2013: 33).

Непреодолимое чувство стыда испытывает рассказчик при встрече с давним приятелем-поэтом. Вместо «длинной, неспешной беседы (...) о недавних событиях в Пакистане и, конечно же, в Афганистане», ему приходится обсуждать только крикетные матчи между Пакистаном и Индией. Попытки заговорить о смертной казни Зульфикара Али Бхутто немедленно пресекаются и переключаются на спортивные темы. Как оказалось среди гостей был осведомитель – «славный малый (..) образованный, с открытым лицом». О нем все знали, но виду не подавали («иначе он бы просто исчез, и пойдешь потом гадай, кого прислали на его место»). Рассказчик поражен, «до чего же много в Пакистане «славных малых» и каким пышным цветом распустилась в благоуханных садах благовоспитанность» (Рушди 2012: 34). Выяснилось, что поэт «успел отсидеть год-другой в тюрьме».

Как иронично отмечает рассказчик, в Пакистане «по знакомству возможно все, даже попасть в тюрьму». Из тюрьмы поэт вернулся совсем больным и долго шел на поправку: «Говорят, его подвешивали вверх ногами и били. Новорожденных тоже подвергают подобной процедуре, чтобы заработали легкие и младенец закричал. Я не спрашивал друга, кричал ли он и виделись ли в окне ему опрокинутые горные вершины». С тех пор друг стихов не пишет (Рушди 2013: 32).

Таким образом, политическая тема занимает важное место в творчестве постколониальных авторов. Англо-индийские писатели считают своим долгом вскрывать наиболее болезненные язвы современного индийского общества, тем самым способствуя его модернизации.

ЛИТЕРАТУРА:

Адига 2012: Адига, А. *От убийства до убийства*. Москва: «Фантом Пресс», 2012.

Адига 2010: Адига, А. *Белый тигр* [book on-line]; available from <https://www.e-reading.club/book.php?book=151403>; Internet.

Десаи 2006: Десаи, К. *Наследство разоренных* [book on-line]; available from <http://padabum.com/d.php?id=196839>; Internet.

Лахири 2015: Лахири, Джумпа *Низина* [book on-line]; available from <https://www.e-reading.club/book.php?book=1036312>; Internet.

Миллер 2004: Миллер, А (editor). *Российская империя в сравнительной перспективе*. Москва: Новое издательство, 2004.

Рушди 1981: Рушди, С. *Дети полуночи* [book on-line]; available from <https://www.e-reading.club/book.php?book=49543>; Internet.

Рушди 2012: Рушди, С. *Джозеф Антон* [book on-line]; available from <https://www.e-reading.club/book.php?book=1036571>; Internet.

Рушди 2010: Рушди, С. *Шаг за черту* [book on-line]; available from <https://www.e-reading.club/book.php?book=1034553>; Internet.

Рушди 2013: Рушди, С. *Стыд*. Москва: АСТ: CORPUS, 2013.

Саид 2012: Саид, Э. *Культура и империализм*. Санкт-Петербург: Издательство «Владимир Даль», 2012.

Сваруп 2010: Сваруп, В. *Шесть подозреваемых*. Москва: АСТ МОСКВА, 2010.

Эткинд 2013: Эткинд, А. *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*. Москва: Новое литературное обозрение, 2013.

Svetlana A. Yevtushenko
(Ukraine, Kyiv)

Political Discourse in the Novels of Postcolonial Writers

Summary

Key words: politics, postcolonial, section, India.

Focus on political issues one of the characteristic features works by postcolonial authors. Salman Rushdie's essays is a vivid example. An analysis of the political problems of contemporary India takes a significant place in his essays. For example, the author concentrated his attention on the victories and defeats of independent India during the fifty years in the essay «India's Fifty Years». Most Anglo-Indian authors are focused on building a postcolonial independent state. First of all, they analyze the «heyday» of the newborn political institutions. They study corruption as an essential attribute of new states. Corruption is compared to an invincible demon that has penetrated all spheres of life in Indian society. Anglo-Indian authors expose the myth of freedom in modern India. Attitude of ordinary Indians to the police acts as a litmus test of the real state of Indian «democracy». Typhoid, cholera, election fever is the terrible disease of India. Elections are the most dangerous Indian disease. The abundance of violence is considered the reverse side of the process of decolonization. Religious differences and territorial nature occupy an important place among decolonization conflicts. The boundaries of the colonial administrative units of the new countries coincided in most cases. The British colony of British India was divided into independent states — Dominion Pakistan and the Indian Union on the Indian subcontinent. He became a tragedy for both countries. It led to large-scale bloodshed, mass migrations of the population and the disunity of a large number of Muslim families. S. Rushdie considers the division of the British colony of British India into independent states a tragic political mistake. The writer is confident that the Section was the result of a political struggle. The conflict between India and Pakistan continued for fifty years. Kashmir / «Paradise on earth» (according to the figurative expression of the Mughals) is a cause of constant discord. Pakistan occupies a special place in the reflections of postcolonial authors. It is a militarized state in the west of the country. The country's budget is spent on military needs to a large extent. Thus, Anglo-Indian writers reveal the most painful ulcers of modern Indian society. This contributes to the modernization of the postcolonial country.